

## **ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРСЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

В зарождающейся методике преподавания церковнославянского языка целью обучения признается не только обучение языковому материалу (грамматике и лексике) и пониманию текстов (при чтении или во время богослужения), но и формирование культурно-исторической компетенции [Миронова 2003б: 48–73].

Так, В. К. Журавлев предлагает достичь данной цели путем формирования начитанности учащихся в определенной совокупности церковнославянских текстов. Он пишет: «Многое может показаться непонятным в текстах песнопений из-за незнания Священного Писания и догматов Церкви, из-за сжатости выражений, необычности сравнений, образов, порядка слов и т. п. Для углубленного понимания конкретного места в тексте необходима определенная степень **начитанности**, знания **определенной совокупности** текстов» [Журавлев 2002: 115], именно поэтому, как отмечает автор, обучение церковнославянскому языку до революции «предполагало заучивание наизусть определенного корпуса текстов молитв и псалмов» [Журавлев 2002: 124]. Однако «сегодня перед нами совсем не та аудитория, не те учащиеся, на которых ориентировались дореволюционные пособия церковнославянского языка». Таким образом, по мнению В. К. Журавлева, «**Задача** <...> состоит не столько в изучении грамматики церковнославянского языка, сколько в **формировании начитанности** в текстах, выражающих высокую нравственность и твердую веру. Необходимо прививать **навыки осознанного чтения** с пониманием церковнославянских текстов, самостоятельно искать и находить соответствующую справку в грамматике и словаре, в православном катехизисе, истории Церкви, в творениях отцов Церкви и т.п. Необходимо приучать не просто запоминать молитву или псалом, но глубоко задуматься над каждой фразой и словоформой. Необходимо **такое пособие**

по церковнославянскому языку, которое могло бы дать не столько грамматические, сколько религиозные, **богословские, культурно-исторические и филологические** комментарии с целью глубокого осознания смысла фразы, и слова, словосочетания, текста» [Журавлев 2002: 125].

Об этом же говорит Е. М. Верещагин: «Требуется погружать учащегося в тексты, погружать интенсивно и постоянно, путем учительской подсказки немедленно снимать трудности (чтобы не задерживать чтения), и тогда аористы и имперфекты уже через несколько занятий начинают распознаваться как прошедшие времена, хотя вы их специально не вводили» [Верещагин 2004].

Н. П. Саблина также отмечает: «Благотворность часословно-псалтирной школы, при простоте программы, дававшей миру премудрых философов и книжников, и состояла именно в степени освоения образцовых текстов и подражания им через их воспроизведение. Поэтому педагоги XIX века при восстановлении ЦПШ [церковно-приходской школы. – Ю. К.] проявили мудрость, введя в программу начального обучения Псалтирь с минимальными комментариями» [Саблина 2000: 148].

Одновременно с этим, в современной светской филологической науке к числу наиболее активно обсуждаемых относятся проблемы, связанные с изучением взаимодействия языка и культуры, а также языковых единиц, отражающих категории культуры. В этом отношении пристальное внимание исследователей привлекли единицы, «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном плане); обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Русское 2004: 16]. Такие единицы получили название «прецедентных феноменов».

Прецедентные феномены являются одной из составляющих русской когнитивной базы – определенным образом структурированной совокупности необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-

культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [Гудков 1999].

Без их специального изучения невозможно адекватное и полноценное понимание текстов, содержащих эти единицы.

Прецедентные феномены, согласно Д. Б. Гудкову, И. В. Захаренко и В. В. Красных, разделяются на «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя» и «прецедентную ситуацию».

*Прецедентные тексты* – знакомые широкому кругу носителей языка тексты, обладающие достаточно частотной воспроизводимостью и стремящиеся к устойчивости компонентного и грамматического состава. Обращение к прецедентному тексту может многократно возобновляться через связанные с ним прецедентные высказывания и имена [Русское 2004: 17].

К числу прецедентных текстов русской православной культуры мы относим различные библейские отрывки, наиболее известные молитвы, а также песнопения, употребляемые во время православного богослужения.

Примерами прецедентных текстов церковнославянского языка могут служить такие богослужебные песнопения, как: «Свете Тихий», «Сподоби Господи», «Ныне отпускаеши», Херувимская песнь, Великое славословие и др.

Об их прецедентности говорит также тот факт, что они употребляются в произведениях русской художественной литературы. Например, в нижеприведенных отрывках из рассказа А. П. Чехова «Певчие» запечатлены русские православные традиции, ритуалы, обряды, которые требуют комментария для невоцерковленного читателя, но обычно известны читателю воцерковленному:

- После «отложим попечение» Алексей Алексеич вытирает со лба пот и в волнении подходит к отцу Кузьме.
- После «Херувимской» поют «Верую», потом «Достойно и праведно», поют чувствительно, гладенько – и так до «Отче наш»
- Алексей Алексеич изучает две вещи: «Кто Бог велий» и «Всемирную славу».

*Прецедентные ситуации* (ПС) в отличие от других прецедентных феноменов не могут рассматриваться как вербальные феномены. Вслед за

Д. Б. Гудковым под прецедентной ситуацией мы понимаем «некоторую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества» [Гудков 2003: 261].

Как отмечает Д. Б. Гудков, «ярким примером ПС может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как «эталон» предательства вообще. Соответственно, любое предательство начинает восприниматься как вариант изначального, «идеального» предательства. Дифференциальные признаки указанной ПС (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными, а атрибуты ПС (например, *поцелуй Иуды, 30 сребреников*) фигурируют как символы ПС. Имя *Иуда* становится прецедентным и приобретает статус имени-символа» [Гудков 2003].

Другой пример прецедентной ситуации – Благовещение:

И ѿвѣщіявхъ ѿг҃ла рече ѿ: дѣхъ ст҃ый найдетъ на члѣ, и сила вѣшнаго ѿсѣнитъ члѣ (Лк. 1: 35).

*Прецедентное высказывание* (ПВ) является как бы символом прецедентного текста, отрывается от него, либо опирается на конкретную прецедентную ситуацию. Другими словами, использование ПВ в речи, как правило, предполагает отсылку или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее «либо не будет понят смысл высказывания, либо не прочитаются связанные с прецедентным феноменом коннотации» [Русское 2004: 32]:

- Человѣкъ, ѿкъ травѣ днѣ сг҃о, ѿкъ цвѣтѣ елный такъ ѿцвѣтетъ (Пс. 102: 15).
- ѿг҃ле хр҃товѣхъ, хранителю мой ст҃ый (Вечерние молитвы)

*Прецедентное имя* – воплощенное имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенционально и экстенционально [Русское 2004: 23].

Например, мелхиседекъ, црѣ салімскай, сцѣенникъ е҃а вѣшнаго (Евр. 7: 1).

Методическая ценность прецедентных феноменов русской православной культуры (в первую очередь прецедентных текстов и прецедентных высказываний) при изучении церковнославянского языка заключается в том, что данные единицы зачастую уже известны воцерковленным православным христианам. При этом в прецедентных высказываниях присутствуют изучаемые грамматические формы, слова и синтаксические конструкции. Таким образом, узнавание слова или грамматической формы в знакомой молитве позволяет более эффективно усвоить соответствующий материал.

Отчасти схожий принцип предлагается также Т. Л. Мироновой – «пробуждение генетической памяти»: «оживляя в себе эту генетическую память, мы просто и естественно возвращаемся в полноту исторической и вневременной церковной жизни – возвращаемся в наш Отчий дом... Живыми примерами мы задействуем в ученике не механическую, а опять же живую память – генетическую. Все эти церковнославянские формы в нашем языке уже когда-то были, и русский человек подсознательно их помнит. И он очень легко – если не дурить его терминами и не наводить академическую важность – «включается» в язык. Вспоминает сам, даже не зная откуда» [Миронова 2003а].

Мы же предлагаем изучать и «вспоминать» грамматику на примере текстов, которые уже должны быть знакомы учащимся. В этих отрывках из молитв, песнопений и Священного Писания встречается значительное количество специфических для церковнославянского языка форм, требующих специального рассмотрения на занятиях.

Например:

1) Звательный падеж.

- ѿг҃ле хр҃то́вѣ, храни́телю мо́й ст҃ы́й.
- Гд҃и ѿсе хр҃тѣ, снѣ вѣ́жй, помнѣ́й насѣ.
- Цр҃ю нѣ́бныи, оутѣ́шителю, дш҃е истины.
- О́че нашѣ, ѿже ѣ́си на нѣ́бсѣхѣ.
- Пресѣ́ла тр҃це, помнѣ́й насѣ.
- Бѣ́городнице дѣ́во, радѣ́йса: бѣ́годѣ́тнаѣ мр҃іе, гдѣ́ еѣ́ тобо́ю.
- Вонми́ гласѣ́ молені́ѣ моегѣ́, цр҃ю́ мо́й, ѿ вѣ́же мо́й (Пс. 5: 3)

2) Особая форма дательного падежа на -ови, -еви.

- Рабо́тайте гдѣки со стра́хомъ и ра́дѣи́телиа ѿмѹ съ трѣпетомъ (Пс. 2: 11).
- Возклицните вѣови вѣлѣ зема̀лѣ (Пс. 99: 1).
- Ми́ръ вѣѣмъ – и́ дѹхови твоёмѹ.
- Приидѣте, поклонѣмѣ црѣкви на́шемѹ вѣѹ.

3) Формы аориста.

- Тебѣ ѿди́номѹ созрѣши́хъ и́ лѣка́вое прѣдѣ тобо́ю сотвори́хъ (Пс. 50: 6).
- И́зъ оу́чи́хъ, и́ спѣхъ, костѣхъ, ѣакъ гдѣ заетѹпитъ мѣ (Пс. 3: 6).
- Се, оудали́хѣ вѣгга, и́ водвори́хѣ въ пѹстыни. Ча́хъ вѣа спаса́ющаго мѣ ѿ младоу́шїа и́ ѿ вѹри (Пс. 54: 8–9).
- И́ рече вѣхъ: да вѹдетъ свѣтъ: и́ вѣстѣ свѣтъ. И́ вѣдѣ вѣхъ свѣтъ ѣакъ добро: и́ раздѹчи вѣхъ междѹ свѣтомъ и́ междѹ тмо́ю. И́ нарече вѣхъ свѣтъ дѣнь, а́ тмѹ нарече но́чь, и́ вѣстѣ вѣчеръ, и́ вѣстѣ оу́тро, дѣнь ѿди́нъ (Быт. 1: 3–5).
- На рѣка́хъ вавѹло́нскихъ, тамѹ сѣдо́хомъ и́ пла́кахомъ (Пс. 136: 1).

Естественно, подобный список можно дополнить многими другими примерами на эти и другие грамматические конструкции.

К сожалению, ограниченный объем публикации не позволяет привести полную систему упражнений, поэтому ограничимся краткими рекомендациями.

Во-первых, прецедентные феномены можно использовать как примеры при введении той или иной грамматической темы.

Во-вторых, принимая во внимание тот факт, что данные единицы в основном уже известны учащимся, можно предложить ряд заданий:

- а) поставить слово в нужную форму в данном предложении (при этом слово стоит в начальной форме);
- б) сравнить церковнославянскую конструкцию и синонимичную конструкцию в литературном языке (например: Во іорданѣ крѣща́ющѣа тебѣ гдѣ – ‘Когда Ты, Господи, крестился во Иордане’);
- в) «перевести» с русского языка на церковнославянский (на данном этапе для этого достаточно будет вспомнить цитату).

Таким образом, введение прецедентных феноменов русской православной культуры позволит:

- начинать изучать морфологию и синтаксис на уже знакомом текстовом материале, не отменяя при этом изучение традиционной грамматики;
- помочь сформировать «начитанность» в церковнославянских текстах;
- использовать методический принцип «от более знакомого к менее знакомому».

### Литература

1. Верещагин Е. М. Церковнославянское Евангелие как духовное достояние русского народа: Доклад на заседании Общественного консультативного совета «Образование как механизм формирования духовно-нравственной культуры общества» при Департаменте образования г. Москвы. Протокол № 24 (16.01.2004). – URL: <http://moseducation.narod.ru/zased/24/protokol.htm>.
2. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М., 1999.
3. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
4. Журавлев В. К. Церковнославянский язык в современной русской национальной школе. – В кн.: В. К. Журавлев. Русский язык и русский характер. – М., 2002. – С. 111–133. – URL: <http://slovník.narod.ru/rus/shuravlev/index.html> или <http://www.churchslavic.narod.ru/zhuravlev.html>.
5. Миронова Т. Л. «Несть... аще не отъ Бога» // Вера-Экском. – 2003а. – Февраль, вып. 2 (№ 433). – URL: <http://vera.mrezha.ru/433/8.htm>.
6. Миронова Т. Л. Ускоренное обучение церковнославянскому языку. – М., 2003б.
7. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. – М.: Гнозис, 2004.
8. Саблина Н. П. О методике преподавания церковнославянского языка // Школа в истоках православного расцвета России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2000. – С. 141–150.